

УБИЙСТВО КУБЕ: ЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМ

В новейшей истории то или иное событие остается таким, каким оно зафиксировано в документах, мемуарной литературе, газетах и журналах. Обычно люди мало заботятся о сохранении материальных свидетельств своего времени. И историкам через 40–50 лет, когда участники события и очевидцы уже ушли в небытие, приходится по крупицам реконструировать страницы минувшего, что становится сродни хорошему детективу, где сюжет запутан до предела, а результат поиска неизвестен до последних глав повествования.

65 лет назад, в ночь на 22 сентября 1943 года, в Минске в особняке по улице Театерштрассе, 27 (ныне ул. Энгельса) был убит генеральный комиссар Белоруссии в рейхскомиссариате по восточным территориям Вильгельм Кубе. Этот гитлеровский сатрап был злейшим врагом белорусского народа: скрупулезно выполнял установки фюрера по уничтожению восточных народов, лично присутствовал при казнях патриотов. Большое количество противоречий и «белых пятен», связанных с обстоятельствами его ликвидации, уже много лет привлекают внимание к этому факту истории...

29 октября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР участникам операции по ликвидации матерого фашиста Елене Мазаник, Марии Осиповой, а также Надежде Троян было присвоено звание Героев Советского Союза. Орденами Ленина награждены Николай Федоров – командир партизанского отряда Димы, сестра Елены Мазаник Валентина Щуцкая, заместитель командира по разведке партизанского отряда Дяди Коли Иван Золотарь.

Подвиг этих людей много раз описан в СМИ, дважды издавалась книга мемуаров Елены Мазаник «Возмездие», на студии «Беларусьфильм» в 1959 году был снят художественный фильм «Часы остановились в полночь», а в последние годы – и ряд телефильмов. В 2007 году вышло 3-е издание документальной повести Николая Дубровского «Бессмертие подвига», 2-е издание книги Вячеслава Селеменова и Вик-

тора Шимолина «Охота на палача», подготовлена к выходу в свет на белорусском языке книга немецкого журналиста Пауля Коля. Казалось бы, что еще можно сказать об этом широко известном эпизоде Великой Отечественной войны?

А впрочем... Из написанного о покушении на генерального комиссара Кубе из общего ряда выбивается статья Олега Усачева, опубликованная три года назад в одной из белорусских газет. В ней сделана попытка проанализировать противоречия, имеющиеся в разных материалах на эту тему, обратить внимание на моменты, которые так и не были освещены.

Внимательно изучив все опубликованные материалы, я выяснил, что «белых пятен» в истории этого громкого убийства меньше не стало, при этом ни в коей мере не ставится под сомнение мужество и самоотверженность участников героического события.

ГДЕ ЭТА УЛИЦА?

Итак, начнем с вещей очевидных, но весьма запутанных многими авторами. Например, с определения места, где находился особняк, в котором с лета 1943 года жил Вильгельм Кубе с семьей и где он был взорван в собственной кровати.

Достоверно известно, что это здание находилось на нынешней улице Энгельса под №27. Кубе заселился в него в июле 1943 года с семьей, охраной и прислугой.

Кстати, после войны здание отремонтировали: в нем размещались музей Янки Купалы и Союз писателей БССР. Снесли его в 1976 году. В Музее Великой Отечественной войны есть фотография особняка Кубе на фоне торца здания ЦК КПБ, а в музее Янки Купалы – фото особняка, где с 1949 по 1959 год и располагался музей.

Но в книге кандидата медицинских наук Василия Коледы «Воспоминание о городе» со множеством собранных автором фотографий, в том числе и этого здания, ошибочно

Автор выражает благодарность Олегу Ивановичу Усачеву за помощь в подготовке статьи.

указано, что особняк находился на улице К. Маркса. И, кстати, само здание изображено уже с пристройкой 1962 года.

В некоторых публикациях упоминаются и другие, также ошибочные адреса особняка, например, Кирова, 43 (бывший дом Вериги-Даревской). Вот и выходит, что у одного и того же дома как минимум три адреса.

Известно, что особняк находился рядом со зданием ЦК КПБ, которое начали строить в 1939 году. Но до войны успели возвести только коробку, а достраивали его уже немцы. Бывший особняк Янчевского имел два этажа, но по указанию Кубе достроили 3-й этаж, была сделана перепланировка помещений. Кабинет гауляйтера находился на 2-м этаже, окна выходили на скверик у театра Янки Купалы. И, как пишет Елена Мазаник в своих мемуарах, после установки мины в спальне особняка, они с Осиповой встретились именно в этом скверике напротив окон кабинета Кубе...

ОДНА ИЛИ БОЛЬШЕ?

По утверждению О.И. Усачева, лет 30 назад сотрудники музея Великой Отечественной войны упоминали во время экскурсий, что для покушения была использована самодельная мина. Однако в партизанских условиях невозможно было сделать надежно работающий химический взрыватель и сильный магнит. Поэтому самодельные мины обычно комплектовались английскими взрывателями и не всегда имели магнит.

Более логично утверждение многих исследователей, что для покушения была использована английская магнитная мина, хотя немецкое следствие обнаружило только остатки взрывателя, а не обломки мины. Кстати, во время войны англичане поставляли взрыватели и мины в СССР в большом количестве.

У авторов публикаций нет единого мнения насчет того, как выглядела эта мина, каким образом она приводилась в действие. Нигде не опубликовано фото аналогичного взрывного устройства или его рисунок.

Как вспоминает Дмитрий Алексеевич Иванов – в годы войны юный партизан-

Надежда Троян
и Елена Мазаник

подпольщик, заложивший в фашистские поезда несколько таких мин, для запуска взрывателя нужно было повернуть рычажок. Другие авторы уточняют, что при этом раздавливалась ампула с кислотой, которая начинала разрушать натянутую проволочку, удерживающую взведенный взрыватель, и через определенное время, когда проволока рвалась, – происходил взрыв.

А Елена Мазаник в своих мемуарах рассказывает, что она дергала кольцо (как у гранаты). Но в английской магнитной мине нет никакого кольца и часового механизма! Значит, часы, которые остановились в полночь, – всего лишь художественный вымысел.

Подробное описание мины приводят В. Селеменов и В. Шимолин в своей книге, где утверждается, что взрыватель был не химический, а механический. При этом нужно было выдернуть не одно, а два кольца. Описанное устройство никак не похоже на макет мины, который находится на стенде в музее Великой Отечественной войны, равно как и на упоминаемую Еленой Мазаник мину.

Разночтения возникают и в количественных параметрах.

В отчете Мария Осипова упоминает о двух минах, принесенных ей из партизанского отряда. И обе она якобы отдала Мазаник. Но Мазаник всегда утверждала, что Мария принесла ей одну мину и яд, чтобы в случае неудачи Елена могла отравиться. Позже Осипова в беседах с Н.В. Дубровским

и других интервью уже говорит об одной мине. По утверждению взрывотехника партизанского отряда Димы, Осиповой дали только одну мину, так как в соседнем партизанском отряде смогли достать лишь один 24-часовой взрыватель. Никто из авторов не указывает, где для Осиповой взяли вторую мину. Остается открытым вопрос: так сколько же было мин?

ЧАСЫ ОСТАНОВИЛИСЬ В ...

Так когда в спальне Кубе произошел взрыв? Ответ на этот вопрос тоже далеко не бесспорный. Даже жена Вильгельма Кубе Анита дает два варианта ответа: 0.40 и 3.15.

Как известно, в годы оккупации Беларусь жила по московскому времени. Но почему-то берлинское время 3.15 (а московское – это 5.15) в своем отчете указывает командир партизанского отряда Димы, руководитель всей операции Николай Федоров. Правда, Федоров в первые дни после покушения не имел о взрыве никаких сведений, кроме тех, что ему сообщили Осипова, Мазаник и партизаны из соседнего отряда. Но тогда они сами не могли знать точного времени взрыва.

Дальше путаницы еще больше. Федоров утверждает, что Мазаник запустила взрыватель мины в 3 часа утра по берлинскому времени, а сама Елена – что это было в полночь по московскому времени. В других источниках мелькает и такое время запуска взрывателя мины – 2 часа ночи. В опубликованном «Заключении особой комиссии о покушении на генерального комиссара Кубе» о времени взрыва написано: «В ночь на 22.9.1943, в 0.40 в спальне генерального комиссара и гауляйтера Вильгельма Кубе взорвалась мина...». Так когда же произошел взрыв?

Многие исследователи истории убийства Кубе в своих публикациях нередко обращались к отчету немецкого следствия. В отдельных случаях на него ссылались и Мария Осипова.

К слову, из-за его неубедительности и многочисленных явных ошибок ранее публиковались только отдельные фрагменты. Если сопоставить даже опубликованные фрагменты этого документа с известными уже фактами и деталями, можно заметить полное их несоответствие, в том числе и текстовое.

В целом же подлинность отчета вызывает большие сомнения по следующим причинам. Даже если предположить, что переводчик выбросил все его канцелярские атрибуты – учетный номер документа, количество экземпляров, перечень рассылки, подписи об ознакомлении с отчетом, он не выглядит как документ. В нем отсутствуют подписи членов комиссии. Дата стоит, однако место его составления не указано, хотя для педантичных немцев это не характерно.

Есть и еще несколько деталей, которые свидетельствуют о том, что немец так написать не мог. Например, в отчете указано, что дети в момент взрыва спали в другой комнате. У состоятельных немцев дети с малых лет спят каждый в своей комнате. И Елена Мазаник во время допроса на Лубянке отмечала, что у каждого из сыновей Кубе была своя спальня и имелась даже отдельная комната, где Анита занималась со своими детьми музыкой.

В Минске никогда не было гестапо, его функции выполняло СД. В то же время составители отчета указывают, что вся обслуга Кубе проходила проверку гестапо.

Кубе не имел военного образования и воинского офицерского звания, а в отчете его величают отставным майором.

Впрочем, и Елена Мазаник, и Мария Осипова отмечали большое количество ошибок и неточностей в «отчете немецкого следствия». Известный польский историк Ю. Туронек упоминает еще об одном варианте отчета, так называемом «александрийском», поступившем к нам из США, но до сих пор не опубликованном из-за предположения, что это фальшивка ЦРУ.

Валентина Щуцкая и Елена Мазаник с детьми. 1942 год

КУДА СМОТРЕЛА ОХРАНА

Как Елена пронесла мину в особняк и как подложила в кровать Кубе – это, пожалуй, самое любопытное во всей истории. В мемуарах Мазаник описано, как она миновала охрану и что охраняли особняк офицеры СД. По словам бывшей служанки гауляйтера, ей удалось найти подход к старому офицеру Фридриху, у которого была большая семья. Жили они бедно и, как утверждает Мазаник, он сушил хлеб, а сухари отправлял в Германию. Немцы – люди экономные. И будучи сверхэкономным, Фридрих вполне мог отправлять свои сухари в Германию. Хотя вряд ли семья офицера СД там голодала...

Однако следует отметить, что подробности данного события в первом издании мемуаров Е.Г. Мазаник и во втором несколько разнятся. Если в первом речь идет об одном охраннике у калитки, то во втором – это уже охрана из 12 офицеров СД. При этом у калитки уже появляется и дежурный офицер. И когда он полез в сумочку, Елена чуть ли не по рукам ему дала: «Чего хватаешь грязными руками подарок ко дню рождения Аниты?». И хотя она не знала немецкого языка, а только отдельные слова, по ее воспоминаниям, офицер отдернул руку и начал оправдываться (!), что у него чистые руки. Разве не странное поведение немецкого офицера по отношению к прислуге?! Да любой служака на его месте вырвал бы сумочку из рук и всю ее перетряхнул. А делать это он должен был каждый день. И если бы он делал это, то сразу почувствовал бы разницу в весе сумочки. Ведь вес мины был около 1 кг, с учетом веса тяжелого металлического магнита.

Сумочку офицер до конца не проверил и пропустил Елену Мазаник. Хотя для нее целесообразнее было бы еще дома спрятать мину под одеждой. Ведь, как упоминает сама Елена Григорьевна, прислугу не обыскивали. К тому же, в этот день она шла на работу в осеннем пальто. Дальше – еще непонятнее. На входе в дом стоит еще один часовой: где точно – из текста неясно (до сих пор не опубликованы план особняка и схема расстановки охраны). И Елена его сильно испугалась: этот точно будет проверять по всем правилам. Она схватила грабли и начала рас-

чищать дорожку. Как должен был отреагировать постовой на такие действия прислуги, тем более что в ее обязанности не входила уборка дорожки? Далее из рассказа Мазаник следует, что ее выручила собачка Аниты: она выскочила из дома и залаяла. Постовой пошел посмотреть, на кого она лает, а Мазаник тем временем вбежала в здание особняка.

В рассказах о дальнейших событиях у разных авторов и вовсе полная путаница. По одной версии Елена обманула дежурного офицера, по другой – горничную, которая убирала комнаты 2-го этажа, по третьей – в этот день в доме вообще не было охраны.

Дом в Минске, где жил В. Кубе с семьей, охраной и прислугой

Кстати, прислугу подбирал сам Кубе и часто ее менял. Анита вспоминает, что на эту роль обычно набирали студенток не старше 20 лет. (Елене Мазаник на момент ликвидации Кубе было 29 лет). Вся прислуга проживала в особняке, дабы были ограничены связи с внешним миром. При этом Елена Мазаник единственная из всех жила вне дома гауляйтера.

На допросе в НКВД на Лубянке Елена утверждала, что обязанности прислуги были расписаны четко и подробно. Каждая работница имела допуск только в определенные помещения. Ей, к примеру, разрешалось работать только на 3-м этаже, где располагались служебные кабинеты. К тому же все комнаты, как заведено у немцев, закрывались на ключ. У кого были ключи – неизвестно.

Спальня же закрывалась на ключ даже на ночь, поэтому после взрыва мины охране пришлось выламывать дверь. А как Елене

удалось попасть в закрытую спальню на 2-м этаже – вопрос. И на него пока никто не дал правдоподобного ответа.

ТАЙНЫ СЛЕДСТВИЯ

Между прочим, никто из исследователей темы не объяснил, почему после убийства Кубе никто не пострадал в родной деревне Елены Мазаник – Поддегтярне, а также в Масюковщине, где жили родственники мужа Валентины Щуцкой, а дом сбегавших Щуцких даже не сожгли.

Генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе (слева) и рейхс-комиссар Остланда Генрих Лозе

Существует оригинальная версия, что СД знало о подготовке убийства Кубе и не препятствовало этому. Так ли это было на самом деле – доказательств нет. Возможно, их могли бы найти в протоколах допросов бывших сотрудников полиции безопасности и СД Минска, которые проводились в 1945 году в НКГБ БССР в Минске?

Вслед за отчетом немецкого следствия большинство авторов полагает, что выявление участников убийства Кубе началось после ареста Павла Короля –

одного из двух возчиков, которые вывозили Щуцких в партизанский отряд из Масюковщины. Но этой точке зрения противоречит повестка от 23 сентября 1943 года, которую следователь СД В. Крамер выписал П. Королю, предлагая ему прибыть 25 сентября в Минское СД на допрос. Выходит, что Короля из-за его непричастности к убийству Кубе никто не арестовывал?

Немецкая следственная комиссия из сотрудников СД закончила работу 28 сентября к прибытию в Минск Мартина Бормана и была распущена 29 сентября. Как она установила участников покушения, тоже неизвестно. Но в этот список точно попали Елена Мазаник, Мария Осипова, Николай Дрозд с женой и дочерью Региной, Мария Грибовская-Дуброва, Георгий Куликов, Владимир Зубко.

Как известно, все они, кроме Елены Мазаник и Марии Осиповой, были схвачены на следующий день после покушения и погибли в фашистских застенках. Такая же судьба постигла еще двух участников этой операции – Николая Похлебаева и Николая Фурца. Первый познакомил Марию Осипову с Еленой Мазаник, а второй вывез 21 сентября 1943 года Осипову, Мазаник и ее сестру Валентину Щуцкую из Минска, после того как Елена установила мину в спальне Кубе.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НО НАГРАДИЛИ НЕ ВСЕХ

Не менее интересным остается вопрос о награжденных по итогам этой операции.

Во-первых, до недавнего времени не был опубликован Указ Президиума Верховного Совета от 29 октября 1943 года, в соответствии с которым Елене Мазаник, Марии Осиповой и Надежде Троян присвоено звание Героев Советского Союза, а командир отряда Димы майор Николай Федоров и сестра Елены Валентина Щуцкая награждены орденом Ленина.

Во-вторых, как оказалось, ничем не награжден Николай Похлебаев, хотя до этого считалось, что он отмечен орденом Ленина.

Но после того как Николай Дубровский – автор повести «Бессмертие подвига» – получил из Москвы цветные ксерокопии указа, выяснилось, что награды из рук М.И. Калинина получили в Кремле вместе с Мазаник, Осиповой, Троян, Федоровым и Щуцкой еще 14 человек, в том числе орден Ленина – связанная отряда Дяди Коли Галина Васильевна Быкова-Финская и майор госбезопасности Иван Федорович Золотарь; орден Отечественной войны I степени – Янина Дрозд, подполковник Валерий Сергеевич Знаменский, Карл Оттович Клейнонг (так в тексте Указа. – **Авт.**), подполковник госбезопасности Эммануил Соломонович Куцин, подполковник госбезопасности Исидор Борисович Маклярский, Николай Евгеньевич Хохлов; орден Отечественной войны II степени – майор Иван Васильевич Грачев, майор госбезопасности Глеб Иванович Рогатнев, майор госбезопасности Александр Эрастович Тимашков и старшина Сергей Иванович Хренов.

Для исследователей темы покушения на Кубе открывается широкое поле деятельности, потому что в той или иной мере понятно участие или неучастие в этой операции Галины Финской, Ивана Золоторя, Янины Дрозд, Карла Кляйнюнга, Николая Хохлова и даже старшины Хренова, который был адъютантом майора Федорова... Но вот остальные? Например, никак не отмечен человек, чьим оперативным псевдонимом Дима и назывался партизанский отряд – Давид Кеймах, погибший за несколько дней до ликвидации ставленника Гитлера в Беларуси. Никто не

задал и другой вопрос: почему в октябре 1943 года не получил звание Героя Советского Союза Николай Федоров – главный организатор ликвидации Кубе. Это звание ему присвоено только после героической гибели в апреле 1944 года. А Николай Похлабаев, Николай Фурц, Мария Грибовская, Георгий Куликов и Владимир Зубко даже не признаны участниками Минского подполья или партизанского движения в Беларуси. Рано или поздно на эти вопросы надо будет давать ответы во имя погибших за Родину.

Заключительное донесение по вопросу о покушении на генерального комиссара Белоруссии, гауляйтера¹ майора запаса Вильгельма Кубе² в ночь на 22.9.1943

Секретно.

В ночь на 22.9.1943 в 0 час. 40 мин. в спальне генерального комиссара и гауляйтера Вильгельма Кубе взорвалась мина, в результате чего у него разорвало левую сторону груди и оторвало левую руку. Ранения были, безусловно, смертельные. Его труп в полубогоревшем состоянии был вынесен из охваченной пожаром спальни поднятой по тревоге дежурной командой и служащими газовой команды.

Рядом с ним лежала жена Анита Кубе, урожд. Линденколь, которая была на 8-м месяце беременности. Она осталась невредимой и отделалась только нервным шоком. Его трое маленьких детей, которые находились в другой комнате, отделенной от спальни ванной, спали и остались также невредимыми.

От удара взрывной волны обстановка спальни была почти полностью разбита. Находящийся в Минске на Театральной улице № 27 жилой дом, который граничил непосредственно со зданием генерального комиссариата, внешне не пострадал.

При осмотре места происшествия «Большой особой комиссией»³, состоящей из СС-штурмбанфюрера и криминал-советника Бондорфа – в качестве руководителя, а также представителей из сектора уголовной полиции СС-оберштурмфюрера Брейера и сектора государственной полиции СС-оберштурмфюрера и криминал-комиссара Хайса, во время просеивания мусора и обломков были обнаружены и изъяты материальные остатки.

Руководствуясь материалами расследования, СС-оберштурмфюрер Брейер установил, что в данном случае речь идет об остатках замедлителя магнитной мины английского происхождения.

Примененная мина, несомненно, была установлена примерно за 12 часов на выступающих пружинах матраца металлической кровати гауляйтера Кубе и там взорвалась. За это предположение говорит также характер ранения гауляйтера. Действие мины было ослаблено матрацем и телом гауляйтера. Этим можно объяснить также невредимость его жены.

Так как дом гауляйтера день и ночь охранялся собственной охраной из 12 человек полиции, вопрос встал, прежде всего,

о тесном круге лиц, состоявшем из обслуживающего персонала и входивших в дом.

Дознание ограничилось поэтому в первую очередь на установке лиц, которые в течение последнего времени перед покушением что-либо делали в доме гауляйтера.

На месте происшествия были задержаны работающие и занятые в домашнем хозяйстве четыре горничные.

Их проверка вначале не показала какой-либо их связи с покушением.

Уже утром 22.9.43 было установлено, что единственная, живущая из-за недостатка места вне дома, служанка Елена Мазаник⁴, 4.4.1914 г.р., проживающая в Минске по ул. Театральной № 48 кв.10, дома отсутствовала.

Ее квартира была вскрыта. Оказалось, что помещение было почти полностью очищено.

Ее сестра, ведущая совместно с ней домашнее хозяйство Валентина Шчутская⁵ (правильно Щуцкая – Авт.), 1918 г.р., также отсутствовала.

Расследование на месте службы сестры (казино немецкого суда в Минске) показало, что Шчутская, якобы из-за болей, вызванных спазмами сосудов, 21.9.43 в 10.30 оставила свое рабочее место. Чтобы ей не нужно было в дальнейшем возвращаться на работу, она перед своим уходом попросила предоставить ей 21.9.43 выходной день.

При дальнейшем расследовании у различных доверенных лиц, которые имели контакт с Ш., было выяснено, что Мазаник, хотя и поддерживала, очевидно, с целью разведки, отношения с немцами, высказывалась антинемецки.

Так, недавно при своей подруге она выразилась, что она горда, что она русская, и что русские при Советской власти имели много больше, чем при немцах.

Также было установлено, что ее первый муж (на самом деле муж сестры – Авт.) был расстрелян немцами как партизан и что ее второй муж работал шофером в НКВД.

Она сама выдавала себя доверенному лицу как служащую Центрального комитета НКВД. Поэтому предположение, что только Мазаник могла быть преступницей, было правильным. Это предположение в дальнейшем расследовании было подтверждено.

То, что существовала тесная связь с НКВД, проясняет обстоятельство, что Мазаник пыталась завербовать для шпионской деятельности против немецких войск некую Галину Липскую, из круга своих знакомых. Липская, однако, это предложение отклонила. Свое положение в доме гауляйтера Мазаник определенно использовала в целях разведки, так как она неоднократно имела возможность убирать служебный кабинет гауляйтера.

В связи с этим особое внимание вызывает то, что для всех остальных служащих дома (кроме Мазаник) генеральный комиссар выносил предложения о проверке через гестапо. Проверка в отношении ее, таким образом, не состоялась.

Уже за несколько дней до покушения сестры продали свои пожитки, носильные вещи и белье неизвестным лицам. Мазаник пришла 21.9.43 как обычно в 7 часов утра на работу в дом гауляйтера, пожаловалась остальным работницам на сильную зубную боль и в 10.30 оставила дом.

Она лечила зубы, по особому распоряжению гауляйтера, несмотря на то, что она белоруска, у немецкого врача, однако 21.9.43 она у врача не была.

При дальнейшей проверке круга знакомых обеих сестер толкнулись якобы на любовника Мазаник по имени Степан, который был установлен в лице Стефана Тиллнера, руководителя почтового отделения в генеральном комиссариате.

Удалось установить деревню вблизи Минска, куда обе сестры ездили ухаживать за матерью.

В этой деревне — Малая Малюковчина (на самом деле — Масюковщина — **Авт.**) — был действительно установлен дом матери (матери мужа сестры Елены Мазаник — **Авт.**), однако он оказался закрыт и совершенно пуст. Ключи были переданы родственнице сестер, некой Анне Рувкевич, где они действительно хранились.

Расследованием было установлено, что все имущество вывезли два возчика, из которых один — некий Павел Кароль — проживал в соседней деревне Потребы (Потребы — **Авт.**).

С его помощью удалось установить квартиру в предместье Минска, ул. Заславская № 35-а, кв. 6.

Владелица этой квартиры сначала отрицала, что приняла беглецов, однако после очной ставки призналась, что она действительно за плату в 100 рейхсмарк приняла их, а их имущество отдала на хранение своему соседу Николаю Дрозду⁶.

Беглецами были Валентина Шчутская и ее мать Анна Шчутская (свекровь — **Авт.**), а также оба малолетних ребенка первой. При обыске в доме Дрозда была действительно найдена различная одежда в замураванном потайном подвале.

Среди вещей находилось также темно-голубое пальто, которое было безукоризненно опознано служанкой гауляйтера Галиной Вигал как собственность Мазаник.

Позже в деревянном сарае в штабеле дров были найдены два детонатора, которые по показаниям Дрозда были принесены некой Марией⁷, по прозвищу Черная Мария, которая позже была установлена как Мария Осипова. (Приметы: 30 лет, рост 1.75, гибкая, черные волосы, смуглое длинное лицо).

Хозяин усадьбы Николай Дрозд, 15.8.1886 г.р., а также его жена Елена Дрозд 1890 г.р. и их дочь Регина Дрозд, 16.10.1923 г.р., были арестованы незадолго до их подготовленного бегства⁸.

Дрозд признался, что 18.8.43 Мария Осипова и Мария Дуброва ждали его на мосту в Минске, когда он возвращался из деревни Вяча со сбора ягод домой, и он получил от них две мины.

Эти мины он принес в свой дом, где они были спрятаны Осиповой в саду.

Находившаяся под арестом Дуброва вынуждена была подтвердить, что эти данные соответствуют действительности и что она получила мины в лесу недалеко от деревни Вяча от неизвестного мужчины. Этот неизвестный мужчина относился, по словам Дубровой, к партизанам.

В ходе дознания было далее установлено, что Осипова с апреля с.г. жила у Дрозда и неоднократно предпринимала так называемые «служебные поездки». Также она во время своего проживания у Дрозда развернула сильную антинемецкую пропаганду и в этом смысле авторитетно действовала отчасти с успехом на круг своих знакомых.

Далее она поддерживала связь с некой Тоней⁹ (приметы: примерно 40 лет, среднего роста, гибкая, волосы соломенного цвета, зачесанные на пробор, лицо в оспинах, в черном платке, темная одежда и черные сапоги), которая не была установлена, но очевидно также относится к партизанам. Тоня и Мария Осипова имели общие дела и были часто вместе. Тоня должна была также знать семью Шчутской, так как она ожидала ее 20.9.43 и содействовала в устройстве на ночлег.

Тоня и Осипова провели ночь на 21.9.43 у Дрозда. Осипова оставила квартиру Дрозда 21.9.43 в 5.30 утра, в то время как Тоня в тот же день в 6 утра вместе с беглецами и возчиком, которого не удалось установить, уехала в неизвестном направлении. Известно, что Шчутская вышла на работу в немецкий суд в 7 утра.

В 11 утра Осипова вернулась к Дрозду и вскоре после этого оставила дом, якобы для того, чтобы предпринять снова служебную поездку.

Дрозд показал, касаясь Осиповой, что речь идет о чрезвычайно деятельном агенте партизан.

Она предлагала его и его семью в случае преследования переправить в Москву.

Без сомнения Мария Осипова 21.9.43 утром принесла мины в Минск и там лично или через связного передала их Мазаник, которая в это время еще находилась в своей квартире на Театральной улице 48.

Этот связной был установлен в лице Георгия Куликова¹⁰ 28.5.1914 г.р., в задачу которого входила передача писем и пакетов Мазаник и Осиповой.

В дальнейшем его задача заключалась в том, чтобы разведывать для Осиповой настроения населения, немецких частей, месторасположения отдельных подразделений Вермахта и другие важные события.

При этом ему содействовал некий Владимир Сибко¹¹, 17.11.1912 г.р., который работал музыкантом в «Немецком доме». Свои задания он выполнял, пользуясь тем, что он музыкант и работал в немецком Доме, заставляя знакомых офицанток показывать ему почту от немецких солдат, выписывал при этом отдельные номера полевых почт и др. важные подробности из писем, а также всеми путями пытаясь заполучить сведения о немецких войсках.

Оба были арестованы.

Свою деятельность оба продолжали длительное время и передавали материалы Осиповой через Галину Липскую, 26.1.1919 г.р.

Липская, пожалуй, знала о делах Осиповой и ее связных, однако ее разведывательная деятельность сводилась только к передаче материалов.

В связи с арестом Куликова и Сибко была раскрыта широко разветвленная и хорошо организованная разведывательная служба партизан. Были выявлены важные следы, которые указывали и на других связников, которые будут, однако, преследованы в рамках особого процесса.

Что касается задержанного Куликова, то его следует рассматривать вместе с Марией Осиповой как лицо, вручившее Мазаник мины, предусмотренные для покушения на гауляйтера, так как установлено, что он часто бывал на квартире у Мазаник и постоянно приносил туда пакеты и почту.

У бывшего любовника Мазаник Стефана Тиллера была изъята годная к репродукции ее фотография.

Проводившийся розыск Мазаник и ее родственников, а также Марии Осиповой и Тони, не мог быть успешным, так как вышеуказанные после выполнения своего специального задания с помощью Осиповой были отправлены в Москву на самолете из ближайшей партизанской области.

Осипова использовала также в качестве связного Марию Дуброву¹², которая без сомнения, как закоренелая коммунистка, получала от нее задания.

Так, при заключительном обыске в ее квартире были обнаружены спрятанные между досок папки с пятью бумажными облатками, содержащими стрихнин.

Химический анализ точно показал, что речь идет о безусловно смертельнодействующем яде.

Принимая во внимание тесную связь вышеуказанных лиц, можно сделать вывод, что в случае неудачи покушения с миной семья Кубе должна была быть отравлена стрихнином. Количества изъятого яда хватило бы, чтобы отравить более 100 человек.

Оценка всех сторон дела показывает, что Мария Осипова — лицо, действующее по заданию НКВД.

Непосредственная исполнительница — Елена Мазаник, как уже упоминалось, также относится к НКВД.

Сведения о жизни и обычаях семьи Кубе и другие важные происшествия благодаря Мазаник передавались в Москву.

Дрозда и Дуброву необходимо рассматривать как закоренелых коммунистов.

Куликова и Сибко они использовали в качестве связных.

Находящиеся под арестом родственники Дрозда (жена и дочь) знали о преступной деятельности вышеуказанных лиц.

Липская — соучастница, однако она отклоняла всякую активную разведывательную деятельность. К арестованным я предлагаю применить острейшие средства государственной полиции.

Случай должен быть передан в IV отдел для дальнейшей отработки и использования.

БОНДОРФ, СС-штурмбанфюрер и криминал-советник, руководитель Большой специальной комиссии

Примечания:

¹ Гауляйтер в гитлеровской Германии — руководитель фашистской организации области и самой области.

² Генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе родился в 1887 г. Изучал курс исторических и гуманитарных наук в Берлине. В 1924 г. был избран от национал-социалистской партии кандидатом в депутаты рейхстага, с 1927 г. стал представителем партии в законодательном собрании. В 1929 г. был избран в прусский ландтаг, где с этого года руководил национал-социалистской партией. После прихода партии к власти Кубе, занимавший в то время пост директора административного управления Восточной торговой палаты, стал председателем Берлинской и Бранденбургской торговых палат, прусским советником и, наконец, председателем торговой палаты Познань — Восточная Пруссия. В июле 1941 г. Кубе был назначен генеральным комиссаром Белоруссии с резиденцией в Минске.

³ Следственная комиссия.

⁴ Мазаник Елена Григорьевна — родилась 4 апреля 1914 г. в деревне Поддегтярная Пуховичского района Минской области в семье крестьянина. Белоруска. Член КПСС с 1946 г. Участница Великой Отечественной войны. В ликвидации Кубе явилась непосредственным исполнителем. Герой Советского Союза (1943 г.). В 1948 г. окончила Республиканскую партийную школу при ЦК КПБ, в 1952 г. Минский государственный педагогический институт. В 1952—1960 гг. — заместитель директора Фундаментальной библиотеки Академии наук БССР. Умерла в 90-х гг.

⁵ Шчутская (Шутская) Валентина — родная сестра Елены Мазаник.

⁶ Дрозд Николай Прокофьевич — помощник партизан и подпольщиков. Именно на его квартире хранились мины, предназначенные для убийства Кубе.

⁷ Имеется в виду Осипова Мария Борисовна — родилась 27 декабря 1908 г. в поселке Серковицы Толочинского района Витебской области в семье рабочего. Белоруска. Служащая. Окончила в 1935 г. Высшую сельскохозяйственную школу и юридический институт в Минске. В годы Великой Отечественной войны — руководитель подпольной группы в Минске. Лично осуществила передачу мины Елене Мазаник, ликвидировавшей гауляйтера Белоруссии. После войны являлась членом Верховного суда БССР. Почетный гражданин г. Минска.

⁸ Все они были казнены как соучастники убийства Кубе. Только младшая дочь Яня осталась жива, так как ранее была переправлена Марией Осиповой к партизанам.

⁹ Имеется в виду подпольщица Татьяна Мазнякова.

¹⁰ Куликов Георгий — подпольщик. Для своих он был Жорж. Казнен как соучастник убийства Кубе.

¹¹ Сибко Владимир — подпольщик. В других переводах этого документа фигурирует как Зубко, Зубков. Казнен как соучастник убийства Кубе.

¹² Дуброва Мария, она же Мария Грибовская — подпольщица. Казнена как соучастница убийства Кубе.

Герман МОСКАЛЕНКО ■